

ПОЗИЦИЯ *ОПЯТЬ* И *ТВОЙ* В ЛИНЕЙНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В «ПИКОВОЙ ДАМЕ»

Д.А. Антоньева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия; daria.antonyeva@gmail.com*

М.Я. Дымарский

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия; dym2005@list.ru*

Аннотация: Исследована линейная структура именных словосочетаний с притяжательным местоимением и глагольных словосочетаний с наречием *опять* в тексте «Пиковой дамы» в сопоставлении с материалом повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» и выборки из НКРЯ, ограниченной 1738–1840 гг. Показано, что изменения в строе именных и глагольных синтагм в пушкинской прозе заключались не только в «сокращении форм качественной оценки» и «сжатии» строя синтагм, как писал В.В. Виноградов, но и в перестройке их линейной структуры. Тенденция к постепенному превращению препозиции притяжательного местоимения в нейтральную, немаркированную, которая только намечена у Н.М. Карамзина, в пушкинской прозе приобретает характер завершенного процесса. Абсолютно преобладавшая в предшествующие эпохи постпозиция слова *опять* к спрягаемой форме глагола в текстах А.С. Пушкина явно начинает уступать место препозиции; в пушкинской прозе зафиксирован переломный момент того процесса, который привел к полному господству препозиции *опять* в современном русском языке.

В «Пиковой даме» обнаружена тенденция к влиянию семантического фактора на выбор препозиции/постпозиции *опять*: в предложениях с агентивным субъектом, реализующих перспективу повествователя, наблюдающего за персонажем, *опять* оказывается в постпозиции к спрягаемой форме глагола; в предложениях с неагентивным субъектом, реализующих перспективу персонажа, — в препозиции. Другие пушкинские тексты, как и современная речь, действия подобной тенденции не демонстрируют.

Ключевые слова: нормы порядка слов; проза А.С. Пушкина; притяжательное местоимение; наречие *опять*; повествовательные перспективы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-3

Для цитирования: Антоньева Д.А., Дымарский М.Я. Позиция *опять* и *твой* в линейной структуре предложения в «Пиковой даме» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 37–49.

POSITION OF *OPYAT'* AND *TVOJ* IN THE CLAUSE LINEAR STRUCTURE IN *THE QUEEN OF SPADES*

D. A. Antonyeva

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia; daria.antonyeva@gmail.com

M. Ya. Dymarsky

The Herzen State Pedagogical University of Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; dym2005@list.ru

Abstract: The linear structure of nominal phrases with a possessive pronoun and verbal phrases with an adverb *opyat'* 'again' in the text of *The Queen of Spades* by A.S. Pushkin is studied in comparison with the material of N.M. Karamzin's story *Island of Bornholm* and a sample from the RNC, limited to 1738–1840. It is shown that changes in the structure of nominal and verbal phrases in Pushkin's prose consisted not only in the "reduction of forms of qualitative assessment" and "compression" of the syntagma structure, as V.V. Vinogradov wrote, but also in the restructuring of their linear structure. The tendency towards the gradual transformation of the preposition of a possessive pronoun into a neutral, unmarked one, which is only outlined by Karamzin, in Pushkin's prose gets the character of a completed process. The postposition of the word *opyat'* to the finite verb, which was absolutely predominant in previous eras, in the texts of A.S. Pushkin clearly begins to give way to preposition; in Pushkin's prose, a turning point of the process that led to the complete dominance of preposition *opyat'* in modern Russian is recorded.

In *The Queen of Spades*, there is also a tendency for the semantic factor to influence the choice of preposition/postposition of *opyat'*: in sentences with an agentive subject, realizing the perspective of the narrator observing the character, *opyat'* appears in postposition to the finite verb; in sentences with a non-agent subject, realizing the perspective of the character, it appears in preposition. Other Pushkin's texts, as well as modern speech, do not demonstrate such a tendency.

Keywords: word order norms; A.S. Pushkin's prose; possessive pronoun; adverb *opyat'*; perspectives of narration

For citation: Antonyeva D.A., Dymarsky M.Ya. (2023) Position of *Opyat'* and *Tvoj* in the Clause Linear Structure in *The Queen of Spades*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 37–49.

0. Постановка задачи

В.В. Виноградов, говоря в «Стиле “Пиковой дамы”» о «тенденции к нормализации форм повествовательной прозы», касался и вопроса о структуре «синтаксических форм речи», среди которых считал существенными «синтагмы»; «от структуры синтагм, — замечал он, — зависит ритм прозы» [Виноградов 1936: 132]. Важнейшая составляющая в данном случае — «сокращение форм качественной оценки»: «Резкое уменьшение количества <...> форм качественного

пояснения придало пушкинской синтагме необыкновенную логическую прозрачность <...>. Нормы порядка слов были строго закреплены. Типические формы синтагм оказались вполне сложившимися. Пушкин сжал, сконденсировал строй синтагм “французского слога” конца XVIII — начала XIX вв., сохранив между основными членами предпрешенные традицией порядок и соотношение...» [Там же: 133].

Итак, В.В. Виноградов считает, что Пушкин сохранил строго закреплённые до него нормы порядка слов, нашедшие «ясную формулировку в статье И.И. Давыдова “Опыт о порядке слов”» [Там же] (статья Давыдова была напечатана в 4-х выпусках «Трудов Общества любителей российской словесности» в 1816–1819 гг. [Кузнецова 1992]). Задача нашей статьи состоит в уточнении этого пункта концепции В.В. Виноградова: на материале синтагм (словосочетаний) с притяжательными местоимениями и наречием *опять* будет показано, что в тексте «Пиковой дамы» наблюдаются явные изменения не только в количественном составе словосочетания, но и в порядке его компонентов.

0.1. Материал

Выбор словосочетаний с указанными распространителями объясняется тем, что, во-первых, таким образом в сфере внимания оказываются как глагольные, так и именные группы. Во-вторых, притяжательные местоимения и наречие *опять* по-разному соотносятся с коммуникативной структурой предложения: если первые в общем случае безударны и нерематичны (отклонения здесь не рассматриваем), то вторые, наоборот, тяготеют к реме. Функциональные различия между притяжательными местоимениями и наречием *опять* сказываются и на их морфологической характеристике. Первые в этом отношении прозрачны и стандартно используются в атрибутивной (редко — предикативной) функции. Второе же, хотя и квалифицируется словарями как наречие, в современном языке используется в функции маркера итеративности, не охватываемой кругом обстоятельственных значений, и причисляется к наречиям отчасти по инерции, отчасти — потому, что неизвестно, к какому лексико-грамматическому классу его причислить. Не случайно А.А. Кибрик включает *опять* в класс дискурсивных слов со значением «реализации» наряду с наречием *наоборот* [Кибрик 2016]; ср. предусмотренный в [Киселева, Пайар 1998] класс «слов, вводящих в рассмотрение несколько реализаций одного положения вещей» [Tsoi 2014: 402]. Но если для таких дискурсивных слов, как частицы или вводно-модальные слова, вопрос об их морфологической природе имеет общеизвестное решение, то для бывших наречий такого

решения нет. Таким образом, в сфере внимания оказываются словосочетания, существенно различающиеся как главными, так и зависимыми компонентами.

Наконец, в-третьих, выбор именно данных распространителей объясняется их устойчивым расположением в линейной структуре предложения в современном языке: стандартна и нейтральна их препозиция по отношению к вершине группы. Это служит хорошим фоном для исследования диахронических изменений.

В качестве источников материала, помимо текста «Пиковой дамы», были использованы: 1) текст повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1793), из которого были выбраны все предложения с притяжательными местоимениями; 2) выборка из Основного подкорпуса Национального корпуса русского языка по запросу «опять» с 1738 по 1840 гг.

1. Позиция притяжательного местоимения

В современном русском языке стандартной и нейтральной является препозиция притяжательного местоимения к имени:

(1) *А братья Райт несколько лет строили **свой** биплан, чтоб пролететь несколько сотен метров или ярдов* [Е. Гришковец. Одно-врЕмЕнно (2004)];

(2) *Впрочем, предполагается, что члены комиссии читали **мой диплом** взахлёб и хорошо представляют себе, о чём идёт речь* [Запись LiveJournal (2004)].

Постпозиция же является маркированной, за исключением устойчивых формул, к которым следует отнести обращения типа *друзья мои*:

(3) [agd-ardin (nick)] *Почему пугаю? **Почту свою** дай* [Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (16.01.2008)];

(4) *Сирота, многократно и несчастно влюблявшийся в красоток королевских родов, он единственным и верным **другом своим** имел кусок разумного мха с Денеба-8 по кличке Аристотель* [Запись LiveJournal (2004)].

Применительно к современному русскому языку возможно исчисление оттенков, которые эксплицируются в постпозиции притяжательного местоимения [Бонно 2008: 460–463]. Однако результаты К. Бонно не могут быть применены к текстам XVIII в., когда нормы словопорядка были другими.

Ф.И. Буслаев делал вывод о свободном положении местоимения в древнерусском предложении по отношению к определяемому слову, добавляя, что препозиция атрибута более характерна для поэтической формы повествования [Буслаев 1881: 372]. В.З. Санников, по подсчетам которого постпозитивные и препозитивные употре-

бления в древнерусских памятниках соотносятся как 52 % / 48 %, полагает, что такое соотношение не позволяет выделить один из вариантов как нейтральный. Позиция местоименного атрибута, по его мнению, зависит не от формы повествования, а от разряда: для притяжательных местоимений характерна постпозиция, для определительных и указательных — препозиция [Санников 1968: 62]. О влиянии разряда местоимения на его позицию в словосочетании писал ранее и С.П. Обнорский [Обнорский 1946: 26, 113].

Известны попытки связать позицию притяжательного местоимения с семантическими свойствами имени: Дин Ворт доказывал, что при одушевленных существительных притяжательное местоимение занимало постпозицию, а при неодушевленных — препозицию [Worth 1985]. Ф.Р. Минлос уточняет, что постпозиции притяжательного местоимения требовали «в особенности термины родства» [Minlos 2011: 54]. Он же предполагал, что положение атрибута в какой-то степени продиктовано ритмическими требованиями [Минлос 2010: 287].

Абсолютное преобладание постпозиции притяжательных местоимений является доказанным фактом как для древнерусского, так и для старорусского языка вплоть до XVIII в., см. также [Улитова 2015: 204]. Показательно утверждение А.Х. Востокова: «Опредѣлительныя слова, состоящія <...> изъ притяжательныхъ именъ или мѣстоименій <...> слѣдуютъ за опредѣляемыми словами; напр. <...> *Отъць мой самъ воспитывалъ дѣтей своихъ*» [Востоков 1831: 336–337]. Это опубликовано в 1831 г., когда реальное положение дел было уже далеко не столь однозначным; но автор родился в 1781 г. и считал нормативным то, что было воспринято им в детстве и отрочестве.

В конце XVIII в. старая норма уже обнаруживает неустойчивость. В табл. 1 приведены данные по тексту повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм», демонстрирующие этот факт.

Таблица 1

Позиция притяжательных местоимений в повести «Остров Борнгольм»

	всего	препозиция	постпозиция
<i>мой</i>	45	11 (24 %)	34 (76 %)
<i>наш</i>	9	3 (33,3 %)	6 (66,6 %)
<i>твой</i>	18	8 (44 %)	10 (56 %)
<i>ваш</i>	2	1 (50 %)	1 (50 %)
<i>его, ее, их</i>	35	14 (40 %)	21 (60 %)
<i>свой</i>	26	11 (42 %)	15 (58 %)
Всего	135	48 (36 %)	87 (64 %)

Преобладает старая норма: из 135 употреблений притяжательных местоимений постпозиция фиксируется в 87 случаях (64%). Однако абсолютным господством такое преобладание назвать нельзя. Можно сказать, что текст повести Н.М. Карамзина свидетельствует о лишь начавшемся разрушении старой нормы.

В тексте же «Пиковой дамы» картина иная (табл. 2).

Таблица 2

Позиция притяжательных местоимений в «Пиковой даме»

	всего	препозиция	постпозиция
<i>мой</i>	25	16 (64%)	9 (36%)
<i>наш</i>	2	1 (50%)	1 (50%)
<i>твой</i>	2	1 (50%)	1 (50%)
<i>ваш</i>	18	12 (66,7%)	6 (33,3%)
<i>его, ее, их</i>	91	76 (83,5%)	15 (16,5%)
<i>свой</i>	67	63 (94,03%)	4 (5,97%)
Всего	205	169 (82,4%)	36 (17,6%)

Общее соотношение препозитивных и постпозитивных употреблений свидетельствует о формировании новой нормы — препозитивности в условиях немаркированной притяжательности.

Особенно выразительны данные по местоимению *свой*. Применительно к древнерусскому периоду была верна формула Т.М. Николаевой: «Подчеркнутое выражение притяжательности, обладания, окрашенное дополнительной семантикой ‘свой, а не чужой’, ‘свой собственный’, ‘каждому свое’, выражается препозицией ПМ (притяжательного местоимения. — Авт.). Нейтральное, немаркированное выражение притяжательности выражается постпозицией *свой*» [Николаева 1986: 168]. В пушкинском же тексте абсолютное большинство атрибутивных словосочетаний (94%!) фиксирует *свой* в препозиции: она окончательно становится нейтральной. То, что у Карамзина может быть интерпретировано как тенденция, заметная только на фоне сопоставления с текстами предыдущих веков, через 40 лет у Пушкина становится свершившимся фактом.

2. Позиция слова *опять*

По запросу «опять» с ограничением с 1738 по 1840 гг. в Основном подкорпусе НКРЯ была получена выборка, насчитывающая 2443 вхождения (дата обращения 30.11.2022). Из них были проанализированы 446; в 26 из них фиксируется препозиция *опять* к глаголу (в том числе связочному), что составляет 6% от 446.

В незначительном количестве употреблений постпозиция *опять* может быть объяснена использованием наречия в исконном значении 'вспять, обратно' (ср. [Черных 1994: 601; Фасмер 1987: 147]) при глаголах движения. В этом случае наречие занимает постпозицию, типичную для направительного обстоятельства и в современном языке (*вернуться назад, свернуть направо, посмотреть вверх* и т. п.):

(5) *Оттуда **возвратился** Его Величество **опять** въ Воронежъ <...>* [И.К. Таубертъ. Краткое описание <...> (1738)].

Следующий пример, однако, показывает, что исконное значение в наречии *опять* для многих носителей языка в середине века уже стерто и вытеснено значением 'снова, повторно', иначе *назад* после *опять* было бы невозможно:

(6) *Вымытую землю **отвозят** **опять** **назад** в сарай и приуготовляют вышепоказанным образом к будущему употреблению* [М.В. Ломоносов. О варении селитры (перевод) (1741)].

В большинстве вхождений наблюдается именно современное значение *опять*:

(7) *Потом, как оделся, возобновил **опять** прежнюю материю и спрашивал меня, можно ли ему будет на любезной своей жениться?* [С.А. Порошин. Семена Порошина записки <...> (1764–1765)].

Следовательно, предположение, что постпозиция *опять* в примерах типа (5) мотивирована использованием наречия в исконном направительном значении, следует оценить как слабое. Главный же вывод состоит в том, что в языке прозы XVIII в. абсолютно доминирует постпозитивное употребление *опять*.

В «Пиковой даме» слово *опять* встречается 13 раз, из них в постпозиции — 7 (54%), в препозиции — 6 (46%). Такое соотношение позволяет предположить, что выбор между двумя возможными позициями подчиняется у А.С. Пушкина некоторой закономерности. Такую — семантическую — закономерность можно видеть в корреляции между выбором позиции *опять* и агентивностью субъекта. При таких предикатах, как *приняться (за работу), взглянуть, войти*, субъект агентивен, и его действие поддается наблюдению со стороны. В этом случае можно говорить, что повествование реализует перспективу повествователя, наблюдающего действия персонажа; *опять* при этом постпозитивно (в примерах подчеркнуты компоненты, называющие наблюдаемые со стороны действия/положения персонажа):

(8) *Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядеть в окно. Вскоре на одной стороне улицы из-за угольного дома показался молодой офицер. Румянец покрыл ее щеки: она принялась **опять** за работу и наклонила голову над самой канвою;*

(9) Она опустила голову и снова занялась работой; через пять минут взглянула опять — молодой офицер стоял на том же месте;

(10) Только Лизавета Ивановна успела снять капот и шляпу, как уже графиня послала за нею и велела опять подавать карету. Они пошли садиться;

(11) Германн пожал ее холодную, безответную руку, поцеловал ее наклоненную голову и вышел. Он спустился вниз по витой лестнице и вошел опять в спальню графини;

(12) Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства, пошел опять бродить по городу;

(13) Все ахнули. Чекалинский видимо смутился. Он отсчитал девяноста четыре тысячи и передал Германну. Германн принял их с хладнокровием и в ту же минуту удалился. В следующий вечер Германн явился опять у стола.

В ряде случаев опять оказывается в позиции, разрывающей сочетания глагола с объектными (9, 10) или обстоятельственными (11–13) комплементариями; но зависимости опять от последних при этом не возникает¹: очевидны связи опять велела, а не *опять подавать, опять пошел, а не *опять бродить, опять явился, а не *опять у стола, и т. д.

При других же предикатах — таких как увидеть, очутиться, осветиться, субъект не может быть охарактеризован как агентивный: это экспериенцер или пациенс. В этом случае повествование реализует перспективу персонажа, восприятие которого внешнему наблюдению не поддается. Опять при этом препозитивно (подчеркнуты компоненты, связанные с восприятием персонажа):

(14) Она встала, начала убирать свои пяльцы и, взглянув нечаянно на улицу, опять увидела офицера. Это показалось ей довольно странным;

(15) Дня через два, выходя с графиней садиться в карету, она опять его увидела. Он стоял у самого подъезда, закрыв лицо бобровым воротником: черные глаза его сверкали из-под шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и села в карету с трепетом неизъяснимым;

(16) ...пошел опять бродить по городу и опять очутился перед домом графини ^{***}. Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему. Он остановился и стал смотреть на окна. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой;

(17) Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою. Графиня сидела вся желтая, шевели отвислыми губами, качаясь на-

¹ Необходимость этого уточнения подсказана замечаниями анонимных рецензентов, которых авторы искренне благодарят.

право и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма;

(18) ... и Германн узнал графиню! <...> Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко. Германн долго не мог опомниться.

Лишь два из 13 употреблений — одно с постпозитивным и одно с препозитивным опять — не вполне отвечают намеченной закономерности:

(19) В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, — все умолкло опять;

(20) На другой день вечером он опять явился у Чекалинского.

В (19) нет действий персонажей. Можно, конечно, утверждать, что (19) все же реализует перспективу повествователя, наблюдающего за Германном и попутно — за изменениями окружающей героя обстановки. Однако такое утверждение, как кажется, не поддерживается контекстом:

(19.1) *Время шло медленно. Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, — все умолкло опять.*

Медленный ход времени — это не констатация факта, а оценка, следовательно — субъективное восприятие, принадлежащее скорее персонажу, нежели повествователю. Субъективность персонажного восприятия, очевидная в первом предложении (19.1), безусловно распространяется и на остальные. Таким образом, (19) не отвечает обнаруженной нами тенденции.

Предложения (20) и (13) рисуют одну и ту же ситуацию. Маловероятно предположение, что эта ситуация изображена в них в двух разных перспективах. Следовательно, перед нами не закон, а тенденция, действующая не вполне регулярно и оставляющая место для случайности.

Дополнительную пищу для размышлений дают тексты «Повестей Белкина» (написанных раньше) и «Капитанской дочки» (написанной позже). В «Повестях Белкина» насчитывается 13 употреблений опять, из них до финитной формы — 8, после нее — 5. В «Капитанской дочке» 23 употребления опять, из них до финитной формы — 9, после нее — 14. Если применительно к «Повестям Белкина» можно говорить о сменах повествовательной перспективы, то в «Капитанской дочке», в соответствии с жанром, повествовательная перспектива едина на протяжении всего текста. Значит, по меньшей мере в «Капитанской дочке» намеченная нами тенденция, опирающаяся на семантический фактор, не работает.

Из сказанного вытекают два вывода.

Первый. Корреляция позиции *опять* с характером повествовательной перспективы и агентивностью/неагентивностью субъекта, обнаруживаемая в тексте «Пиковой дамы», могла носить характер эксперимента и, видимо, не имела сколько-нибудь значимого продолжения.

Второй. Суммарные данные по трем прозаическим произведениям А.С. Пушкина (постпозиция — 26, препозиция — 23) позволяют утверждать, что абсолютное преобладание постпозиции *опять* в пушкинской прозе сменяется приблизительно паритетным соотношением, что знаменовало перелом, приведший к безоговорочному доминированию в современном русском языке препозиции *опять* к глаголу.

3. Заключение

Изменения в строе именных и глагольных синтагм в пушкинской прозе заключались не только в «сокращении форм качественной оценки» и «сжатию» строя синтагм, но и в перестройке их линейной структуры. Тенденция к постепенному превращению препозиции притяжательного местоимения в нейтральную, немаркированную в пушкинской прозе приобретает характер заверщенного процесса. Абсолютно преобладавшая постпозиция *опять* к спрягаемой форме глагола в текстах А.С. Пушкина явно начинает уступать место препозиции; в пушкинской прозе зафиксирован переломный момент того процесса, который привел к полному господству препозиции *опять* в современном русском языке.

Помимо прочего, в «Пиковой даме» обнаружилась тенденция к влиянию семантического фактора на выбор препозиции/постпозиции *опять*. Имеет смысл проверить, не имела ли эта тенденция продолжения в более поздних текстах, тем более что связь словоупотребления с той или иной повествовательной перспективой может трактоваться как одно из проявлений «смещения субъектно-повествовательных сфер», о котором писал В.В. Виноградов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966. 96 с.
2. Бонно К. Отождествление через проекцию: О постпозиции безударных определений в атрибутивных синтагмах // Фонетика и Нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 457–468.
3. Бонно К. Постпозиция притяжательного местоимения в именной синтагме: от построения синтагмы к построению текста // Языковые значения: методы исследования и принципы описания (памяти О.Н. Селиверстовой). М., 2004. С. 67–86.
4. Буславев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 5-е изд. М., 1881. 390 с.

5. *Востоков А.Х.* Русская грамматика, СПб., 1831. 449 с.
6. *Кибрик А.А.* Дискурс. Тема IV-14. Дискурсивные маркеры. 2016 [Электронный ресурс: <https://ppt-online.org/497094>. Дата обращения 10.02.2023].
7. *Киселева К., Пайар Д.* (ред.). Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. 446 с.
8. *Кузнецова Н.В.* Давыдов Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992 [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/d/dawydow_i_i/text_1992_bio.shtml. Дата обращения 10.02.2023].
9. *Лантвева О.А.* Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивных словосочетаний в русских текстах XI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 24 с.
10. *Минлос Ф.Р.* Что притягивает притяжательные местоимения? Или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности С.К. Пожарникова. М., 2010. С. 279–290.
11. *Николаева Т.М.* Средства различения посессивных значений: языковая эволюция и ее лингвистическая интерпретация // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986. С. 167–179.
12. *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка. М., 1946. 199 с.
13. Русская грамматика: В 2 т. — Т. 2. Синтаксис / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. 709 с.
14. *Санников В.З.* Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968. С. 47–95.
15. *Улитова А. С.* О зависимости положения притяжательных местоимений от одушевленности определяемого существительного в русской деловой письменности XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015, № 3. С. 226–240.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1987. 832 с.
17. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. 2-е изд. М., 1994. 624 с.
18. *Minlos, P. R.* Some controversies concerning possessive noun placement in Old Russian [Электронный ресурс] / P. R. Minlos // Сборник Матице Српске за филологию и лингвистику, LIV / 2. Нови Сад, 2011. P. 53–59 (дата обращения: 08.01.2023).
19. *Tsoi A.* Результаты анализа словарей дискурсивных слов // *Slowo we wspólczesnych dyskursach*, Red. Jachimowska K., Kudra B., Szukdlarek-Śmiechowicz E., Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2014. S. 397–403.
20. *Worth Dean S.* Animacy and adjective order: the case of новгородскѣ. An explanatory microanalysis // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XXXI–XXXII. 1985. P. 533–554.

REFERENCES

1. Adamets P. Poryadok slov v sovremennom rusском yazyke [Word order in modern Russian language]. Praga, 1966. 96 p. (In Russ.)
2. Bonno Ch. Otozhdestvlenie cherez proekciyu: O postpozicii bezudarnyh opredelenij v atributivnyh sintagmah [Identification through projection: On the postposition of unstressed attributes in attributive phrases]. *Fonetika i Nefonetika. K 70-letiyu San-*

- dro V. Kodzasova [Phonetics and non-phonetics: For the 70th birthday of Sandro V. Kodzasov]. Moscow, *Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.*, 2008. P. 457–468. (In Russ.)
3. Bonno Ch. Postpoziciya prityazhatel'nogo mestoimeniya v imennoj sintagme: ot postroeniya sintagmy k postroeniyu teksta [Postposition of the possessive pronoun in the nominal syntagm: from syntagmatic construction to text construction]. *Yazykovye znacheniya: metody issledovaniya i principy opisaniya (pamyati O.N. Seliverstovoj)* [Language meanings: research methods and description principles (in memory of O.N. Seliverstov)]. Moscow, *Moscow Pedagogical State University Publ.*, 2004. P. 67–86. (In Russ.)
 4. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [The historical grammar of the Russian language]. 5th ed. Moscow, 1881. 390 p. (In Russ.)
 5. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennoogo russkogo yazyka [The historical-etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. I–II. 2nd ed. Moscow, 1994. 624 p.
 6. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. Izd. 2-e. T. 3 [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Translated from German and supplemented by O. N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 3]. Moscow, *Progress*, 1987. 832 p.
 7. Kibrik A.A. *Diskurs. Tema IV-14. Diskursivnye markery* [Discourse. Topic IV-14. Discursive markers]. 2016. URL: <https://ppt-online.org/497094> (accessed 10.02.2023).
 8. Kiseleva K., Pajar D. (eds.). Diskursivnye slova russkogo yazyka: Opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Russian discourse markers: A contextual-sematic description]. Moscow, *Metatekst*, 1998. 446 p. (In Russ.)
 9. Kuznetsova N.V. Davydov Ivan Ivanovich [Davydov Ivan Ivanovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 2. Moscow, *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya*, 1992. URL: http://az.lib.ru/d/dawydow_i_i/text_1992_bio.shtml (accessed 10.02.2023). (In Russ.)
 10. Lapteva O.A. Raspolozhenie odinochnogo kachestvennogo prilagatel'nogo v sostave atributivnykh slovosochetanii v russkikh tekstah XI–XVII vv. [The position of a single adjective in attributive phrases in Russian texts of XI–XVII cc.]: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences [PhD]. Moscow, 1963. 24 p. (In Russ.)
 11. Minlos F.R. Chto prityagivaet prityazhatel'nye mestoimeniya? Ili linejnaya poziciya atributov [What attracts possessive pronouns? Or the linear position of attributes]. *Voprosy russkogo yazykoznanija. XIII. Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee: k 50-letiyu nauchnoj deyatel'nosti S.K. Pozharitskoj* [Issues in Russian linguistics. XIII. Phonetics and grammar: present, past and future: to the 50th anniversary of scientific activity of S.K. Pozharitskaya]. Moscow, *Moscow State University*, 2010. Vol. 2. P. 279–290. (In Russ.)
 12. Minlos P.R. Some controversies concerning possessive noun placement in Old Russian. *Zbornik Matice Srpske za filologiju i lingvistiku, LIV / 2* [Matica Srpska journal of slavic studies, LIV / 2]. Novi Sad, 2011. P. 53–59. URL: http://www.academia.edu/2414293/Some_controversies_concerning_possessive_pronoun_placement_in_Old_Russian (accessed 08.01.2023).
 13. Nikolaeva T.M. Sredstva razlicheniya possessivnykh znachenij: yazykovaya evolyutsiya i ee lingvističeskaya interpretatsiya [Ways of possessive meanings differentiation: language evolution and its linguistic interpretation]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategoriya possessivnosti* [Slavic and Balkan linguistics. Issues in dialectology. The category of possessiveness]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. P. 167–179. (In Russ.)

14. Obnorskij S.P. Oчерки po istorii russkogo literaturnogo yazyka [Essays on history of the Russian literary language]. Moscow, 1946. 199 p. (In Russ.)
15. Russkaya grammatika: V 2 t. [Russian grammar: In 2 vols.] Ed. by N.Yu. Shvedova. Vol. 2. *Sintaksis* [Syntax]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1980. 709 p. (In Russ.)
16. Sannikov V.Z. Soglasovannoe opredelenie [Agreed attribute]. Sravnitel'no-istoricheskij sintaksis vostochnoslavyanskikh yazykov. Chleny predlozheniya [Comparative historical syntax of Eastern Slavic languages. Parts of sentence]. Moscow, 1968. P. 47–95. (In Russ.)
17. Ulitova A.S. O zavisimosti polozheniya prityazhatel'nyh mestoimenij ot odushevlyonnosti opredelyaemogo sushchestvitel'nogo v russkoj delovoj pis'mennosti XVII v. [On the dependence of the possessive pronouns position on the animateness of the qualified noun in the 17th century Russian business documentation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology]. 2015, no. 3. P. 226–240. (In Russ.)
18. Tsoi A. Rezul'taty analiza slovarej diskursivnykh slov [Results of an analysis of discourse words dictionaries]. *Słowo we współczesnych dyskursach*. Ed. by Jachimowska K., Kudra B., Szkudlarek-Śmiechowicz E. Łódź, *Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego*, 2014. P. 397–403.
19. Vostokov A.H. Russkaya grammatika [Russian grammar]. Saint Petersburg, 1831. 449 p. (In Russ.)
20. Worth Dean S. Animacy and adjective order: the case of nov”gorod’sk”. An explanatory microanalysis. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XXXI–XXXII. 1985. P. 533–554.

Поступила в редакцию 11.01.2023

Принята к публикации 16.04.2023

Отредактирована 15.05.2023

Received 11.01.2023

Accepted 16.04.2023

Revised 15.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антоньева Дарья Андреевна — студентка I курса магистратуры филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена; daria.antonyeva@gmail.com

Дымарский Михаил Яковлевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена / старший научный сотрудник ИЛИ РАН; dym2005@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Darya Antonyeva — 1st year master’s student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia; daria.antonyeva@gmail.com

Mikhail Dymarsky — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia / Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; dym2005@list.ru